
ГЕНДЕРНАЯ ПОЛИТОЛОГИЯ

Woman in Russian Society
2020. No. 4. P. 5—13
DOI: 10.21064/WinRS.2020.4.1

Женщина в российском обществе
2020. № 4. С. 5—13
ББК 66.053
DOI: 10.21064/WinRS.2020.4.1

«...СЛЫШУ РЕЧЬ НЕ МАЛЬЧИКА, НО МУЖА»: О ГЕНДЕРНО-ВОЗРАСТНЫХ СТЕРЕОТИПАХ В ПОЛИТИКЕ

Т. Б. Рябова^a, О. В. Рябов^b

^a Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
г. Санкт-Петербург, Россия, riabova2001@inbox.ru

^b Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Рассматривается взаимовлияние гендерных и возрастных стереотипов и их роль в политике. Первая часть статьи посвящена теоретическим аспектам политизации возраста, вторая — анализу функционирования гендерно-возрастных стереотипов в российской политике. Авторы показывают, что «пол» власти непосредственно связан с ее «возрастом», а символическая инфантилизация политического оппонента выступает одним из приемов его демаскулинизации и тем самым делегитимации.

Ключевые слова: политический символ, гендерно-возрастные стереотипы, символическая инфантилизация, российская политика, легитимация власти.

“NOT A BOY, BUT A MAN”: ON THE GENDER-AGE STEREOTYPES IN POLITICS

T. B. Riabova^a, O. V. Riabov^b

^a Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg,
Russian Federation, riabova2001@inbox.ru

^b St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation

The paper deals with intersections of the gender stereotypes and age ones and their role in politics. Its first part focuses on theoretical issues of politicizing the age, and the second part analyzes the gender-age stereotypes in Russian politics. The authors point out that “gender” of power relates to its “age”, and symbolic infantilization of a political opponent serves as a means of his/her symbolic demasculinization and by that delegitimation.

Key words: political symbol, gender-age stereotypes, symbolic infantilization, Russian politics, legitimation of power.

© Рябова Т. Б., Рябов О. В., 2020

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31716 «“Поколенческий разрыв” в легитимации и делегитимации власти в современной России: политический дискурс и общественное мнение».

Гендерные стереотипы изучаются на протяжении нескольких десятилетий, в том числе их трансформация в современных условиях (см. об этом: [Хасбулатова, Смирнова, 2020]). Одним из направлений исследований является проблема влияния на гендерную стереотипизацию других стереотипов: этнических, профессиональных, расовых; в связи с этим в научный оборот вводятся такие понятия, как, например, этногендерные стереотипы [Рябова, 2018]. Изучается и взаимовлияние гендерных и возрастных стереотипов — начиная с работ, опубликованных около тридцати лет назад (напр.: [Kite et al., 1991]), что отражается в появлении в трудах отечественных авторов такого термина, как гендерно-возрастные (половозрастные) стереотипы (напр.: [Ермолаева, 2014; Крылов, 2019]). Однако использование в политике гендерно-возрастных стереотипов, определяемых нами как устойчивые, разделяемые, упрощенные представления о мужчинах и женщинах какого-либо возраста, еще не становилось объектом изучения.

В статье мы рассмотрим это взаимовлияние на примере репрезентаций маскулинности в политической борьбе. Сначала предметом анализа будут теоретические аспекты политизации возраста. Во второй части мы обратимся к вопросу о том, как происходит взаимодействие концептов возраста и маскулинности в современной российской политике, привлекая данные СМИ, а также результаты проведенных нами социологических исследований¹.

Возраст как политическое

В современной российской политике фактор возраста приобретает особое значение. Во-первых, это обусловлено остротой «поколенческого разрыва», при котором ценности разных поколений становятся все более различными. Во-вторых, это определяется активным участием несовершеннолетних в протестной деятельности, что интенсифицирует вовлечение в политический дискурс образов, связанных с возрастом. В последнее время все более заметными становятся апелляции к возрасту политических акторов и их сторонников в качестве аргумента в политической риторике. Конструктивистское понимание возраста подчеркивает социально детерминированный, изменчивый, контекстуально обусловленный характер представлений о возрасте. Таким образом, релевантными политике выступают не столько реальные, сколько «воображаемые» поколения. Объективные различия, которые лежат в основе социальных границ между поколениями, в политике могут преувеличиваться или приуменьшаться. В результате социальные границы дополняются символическими, которые

¹ Исследования осуществлялись в форме нестандартизированных интервью. Первое (N = 35, осень 2019 г., Санкт-Петербург и Иваново) было посвящено изучению роли символа детства в процессе политической мобилизации. Второе (N = 42, осень 2020 г., Санкт-Петербург, Махачкала, Иваново) — значению межпоколенческого разрыва в легитимации власти современной России. Интервью проводились в городах, различающихся величиной, качеством жизни, уровнем политической активности, степенью поддержки власти и оппозиции, этнокультурными особенностями. Информанты во всех случаях дифференцировались по полу, возрасту и политическим предпочтениям. Благодарим за работу с информантами Л. Л. Клещенко, У. К. Мутаева, Е. В. Панкратову, Е. А. Пашковского, С. В. Смаль, Ю. Н. Фролову.

создаются при помощи маркеров — символических пограничников; к ним можно отнести любые семиотические средства, с помощью которых проводится такая граница, включая и маркеры возраста.

В современной науке существует несколько трактовок того, как интерпретировать «поколение» (включая демографические и социокультурные подходы). Мы используем понятие поколения в символическом значении, как обозначение различия «старого» и «нового» [Дубин, 2002]; оно может применяться при характеристике, например, отличий «отцов» от «детей» в разных сферах жизни общества и государства. Мы исходим из того, что в поколенческом дискурсе значение поколений создается и пересоздается политическими акторами в зависимости от их политических целей. «Немощные старики» и «неразумные дети», следовательно, являются «воображаемой» реальностью. Но, будучи включенными в репрезентации политических акторов и политических процессов в поколенческом дискурсе, эти маркеры влияют на политическую реальность, в частности на укрепление или ослабление легитимности участников политического процесса.

Маркировка индивида или сообщества как ребенка означает демонстрацию их несамостоятельности и обоснование необходимости контроля за ними. Однако старость также может служить маркером зависимости и неспособности эффективно управлять, особенно в условиях стремительно меняющегося мира, и тем самым — фактором, снижающим легитимность политического актора. Приписывание политическим акторам качеств, ассоциируемых с детством или старостью, или же прямое уподобление их детям или старикам мы предлагаем рассматривать как приемы символической борьбы и обозначать как соответственно «символическую инфантилизацию» и «символическую сенилизацию». Символическая инфантилизация, о которой дальше пойдет речь, может быть определена как прием символической политики, который заключается в уподоблении индивида или группы ребенку с целью получения преимуществ в политической борьбе [Riabova, Riabov, 2020: 125]. Инфантилизация включает в себя и прямую маркировку политического актора как ребенка, сравнение поведения в политике с детским, и косвенную, т. е. наделение качествами, которые воспринимаются как атрибуты детства: эмоциональностью, неразумностью, беспомощностью, зависимостью, безответственностью, обидчивостью и др.

Символ детства, будучи одним из наиболее эмоционально насыщенных, связанным с мифом и апеллирующим к личному опыту каждого индивида, давно находится в арсенале политической пропаганды. Наиболее исследованным является привлечение оппозиции «взрослый — ребенок» в колониальный дискурс, где метафора детства используется для легитимации отношений власти и подчинения. В дискурсе, который делит мир на Запад и «все остальное», уподобление «дикарей» детям призвано подчеркнуть инаковость народов, населяющих колонии, показать их нецивилизованность и неспособность к самоконтролю, что вносит вклад в оправдание «бремени белого человека» [Nandy, 1984; Hall, 1997]. Другая важная функция использования символической инфантилизации состоит в том, что образы колониальных народов-детей помогают представить отношение к ним со стороны метрополии как проникнутое заботой и опекой (о том, как используется материнский символ в данном контексте в России, см.: [Riabov, 2020]).

Среди аспектов символической инфантилизации важное место принадлежит гендерному. Символ детства имеет немало общего с другими знаками инаковости, в том числе с репрезентациями женщин в андроцентрической культуре. В частности, было обращено внимание на то, что колониальные народы уподобляются не только детям, но и женщинам, что подчеркивает их природность, инаковость по отношению к норме — взрослому мужчине, олицетворяющему цивилизацию; женщин же наделяют «детскими» качествами и соответствующими функциями [Ortner, 1974]. Вопрос о том, что именно оказывает влияние на гендерные отношения в обществе, занимает заметное место в гендерных исследованиях. Один из наиболее примечательных в теоретическом отношении ответов на него предлагает методология интерсекционализма. Согласно данной методологии, дифференцирующие категории класса, расы, гендера, этничности, национальной и цивилизационной принадлежности взаимодействуют друг с другом, создавая при этом систему социальной иерархии [Crenshaw, 1991]. На наш взгляд, к ним можно добавить и возрастной признак.

Взаимовлияние гендерного и возрастного дискурсов обусловлено не в последнюю очередь тем, что они обладают сходными характеристиками: используются как маркеры в проведении символических границ; апеллируют к естественным, природным, основаниям дифференциации; связаны с отношениями власти и подчинения (оппозиция «ребенок — взрослый», подобно оппозиции «женщина — мужчина», может быть рассмотрена как своеобразная матрица отношений власти и подчинения, отражающая существующие в обществе иерархии и поддерживающая их).

Символическая инфантилизация и символическая демаскулинизация в российской политике

Итак, лишение статуса взрослости политического актора означает и отрицание у него наличия характеристик традиционной маскулинности. В частности, это заметно в политической риторике современной России.

Использование гендерно-возрастных стереотипов в российских медиа можно рассмотреть в контексте «ремаскулинизации России», т. е. проводимой российскими властями политики национальной идентичности, которая имеет два измерения: продуцирование позитивных образцов национальной маскулинности и создание образа России, наделенного маскулинными коннотациями (сила, независимость, рациональность и др.) [Riabov, Riabova, 2014]. Характеризуя гендерный порядок российского общества последних полутора десятилетий, необходимо отметить рост влияния такого типа маскулинности, как «мужик», антиобразцами для которого выступают ролевые модели «женщина», «гомосексуалист» и, что особенно примечательно в контексте данной статьи, «ребенок» [Шабурова, 2002: 534]. Образ мужика используется в легитимации власти, которая, в свою очередь, поддерживает этот образ национальной мужественности. Репрезентации представителей власти как взрослых и ответственных людей сопровождаются символической инфантилизацией ее оппонентов [Riabova, Riabov, 2020].

Привлечение символа детства выполняет еще одну функцию, помогая позиционированию России и во внутренней политике, и на международной арене как рациональной, ответственной, сильной — иными словами, «взрослой» страны, оборотной стороной чего выступает символическая инфантилизация значимых Других. Так, Запад и его лидеры обвиняются в инфантилизме и лишаются тех качеств, которые закрепляются за взрослыми: самостоятельности, ответственности, рациональности, ума, чувства реальности². Это представление о современном Западе отражается и в высказываниях российских политиков. В частности, примечательным является ответ В. Путина на вопрос журналиста, почему президент предпочитает не рассказывать о том, как живут его дети и внуки: «Я знаю, что западная политическая культура связана с представительством членов семьи, но мне кажется, что мы не в таком состоянии находимся, чтобы заниматься этим театром. У нас должно быть по-взрослому, по-серьезному»³.

Как Старая, так и Новая Европа, а также некоторые страны постсоветского пространства подвергаются в российских медиа символической инфантилизации — с теми же коннотациями слабости, неразумности, капризности, безответственности [ibid.]. Рассмотрим подробнее символическую инфантилизацию украинского Другого. Прежде всего следует выделить прямые указания на инфантильность украинских политиков и украинского общества, в том числе использование маркеров «инфантильный», «дети», «не-взрослые» и т. д. Показательно, что такого рода характеристики используются не только российскими журналистами, но и политиками высокого ранга. Помимо прямой маркировки политики Украины как детской, активно привлекается косвенная: власти страны и ее население наделяются качествами, которые ассоциируются с детьми, их картиной мира, поведением и чертами характера: наивностью, верой в чудо, эгоцентризмом, безответственностью, неспособностью контролировать свое поведение [ibid.].

Не вызывает удивления, что в подобном контексте излюбленной мишенью символической инфантилизации российских медиа стал президент Украины В. Зеленский, если принять во внимание его молодой возраст и отсутствие политического опыта⁴. Так, «Комсомольская правда» назвала его малышом, комментируя позицию по поводу переговоров с Россией⁵. Инфантилизация происходит и при помощи приписывания украинскому президенту желания подражать успешным политикам. Именно так интерпретируется поведение Зеленского

² См., напр.: Мария Захарова провела еженедельный брифинг МИД России // Русское агентство новостей. 2017. 28 сентября. URL: <http://новости-россии.ru-an.info/новости/мария-захарова-провела-еженедельный-брифинг-мид-россии-28-09-2017/> (дата обращения: 05.10.2020); Дробницкий Д. От такого впадения в детство старой западной элиты становится страшно // Взгляд. 2019. 29 июля. URL: <https://vz.ru/opinions/2019/7/29/989863.html> (дата обращения: 05.10.2020).

³ См.: Назарова А. Путин рассказал о счастье общения с внуками // Взгляд. 2020. 7 октября. URL: <https://vz.ru/news/2020/10/7/1064080.html> (дата обращения: 07.10.2020).

⁴ Напр.: Российский политолог о Зеленском: «Мальчишку выдернули с одной сцены и поставили на другую» // Pravda. Ru. 2019. 1 августа. URL: <https://www.pravda.ru/world/1427180-krutakov/> (дата обращения: 05.10.2020).

⁵ Смирнов Д. Встречу с Путиным Зеленский должен заслужить // Комсомольская правда. 2019. 24 мая. URL: <https://www.spb.kp.ru/daily/26981.7/4039962/> (дата обращения: 05.10.2020).

во время посещения передовой, в чем видят подражание российскому президенту, причем, по мнению журналиста, получается, скорее, как «пародия на детей, которые обули мамины туфли и пытаются всячески копировать взрослых»⁶. Сравнением с Путиным зачастую ставится под сомнение и мужественность Зеленского, в частности, российские СМИ высмеяли его «неправильный» бронжилет, одетый им при визите в Донбасс⁷. И здесь, очевидно, инфантилизация идет параллельно с демаскулинизацией: метафора детства и гендерная метафора взаимодействуют и усиливают друг друга.

Таким образом, Украина, характеризуемая российскими СМИ как инфантильная страна, страна-ребенок, наделяется негативными коннотациями детства: безответственностью, эгоцентризмом, неспособностью контролировать свое поведение, подражанием взрослым, ей отказывают в чувстве реальности, в способности трезвого осмысления ситуации. На этом фоне Россия предстает ответственной, рациональной, уверенной в себе, что подразумевает отношение российской власти к недружественным шагам Украины лишь как к «шалостям маленьких детей»⁸.

Представления россиян о сегодняшней Украине коррелируют с рассмотренными репрезентациями, производимыми российскими медиа. Это показали и результаты проведенного нами интервью. Отвечая на вопрос, поведение каких стран можно сравнить с детским, подавляющее большинство информантов назвали Украину (другими популярными вариантами были Польша и страны Балтии). Объясняя свою позицию, они использовали такие маркеры детства, как несамостоятельность, беспомощность, безответственность, неумение отвечать за свои поступки, детская обидчивость и т. д.

Украина. Куда позвали, туда пошли. Что сказали, то и делают (Дмитрий, 45 лет, политическая ориентация — «за Путина»).

Все во всем виноваты, только не они (Ольга, 60 лет, политически индифферентная).

Украина. Детский сад, ясельная группа. Всех... сжечь, спалить. И агрессия, и безответственность (Людмила, 60 лет, коммунистка).

Украина. Хочет прибиться то к одной мамке, то к другой мамке (Милана, 47 лет, «за Путина»).

Похожие маркеры использовались по отношению к тем политикам, чье поведение сравнивали с поведением детей. Чаще всего упоминался Зеленский,

⁶ Гришин А. «Послушай, я президент этой страны!» // Комсомольская правда. 2019. 26 октября. URL: <https://www.spb.kp.ru/daily/27059.5/4126661/> (дата обращения: 05.10.2020).

⁷ В сети высмеяли бронжилет, в котором Зеленский разгуливал в Донбассе // Труд. 2019. 15 октября. URL: http://www.trud.ru/article/15-10-2019/1381544_v_seti_vysmejali_bronzhilet_v_kotorom_zelenskij_razgulival_v_donbasse.html (дата обращения: 05.10.2020).

⁸ См., напр., интервью Р. Кадырова о Зеленском: Кадыров разочаровался в Зеленском // News.ru. 2019. 20 мая. URL: https://news.ru/politika/kadyrov-razocharovalsya-v-zelenskom/?utm_source=smi2bonus (дата обращения: 05.10.2020).

которого наделяли «несерьезностью», «импульсивностью», «неумением контролировать свое поведение», «некомпетентностью», «непоследовательностью», «неопытностью», «неспособностью принимать зрелые решения». Интересно, что так считали даже участвующие в нашем опросе несовершеннолетние (хотя иногда встречалось и привлечение позитивно окрашенных маркеров детства, например «непосредственности»).

Подведем итоги. Мы рассмотрели примеры функционирования гендерно-возрастных стереотипов в политике: и в политической риторике, и в политических представлениях. Стереотипные представления о власти предполагают наделение ее маскулинными характеристиками; соответственно символическая демаскулинизация политических оппонентов является одним из приемов символической борьбы. Однако обладание эталонной маскулинностью предполагает наличие не только гендерных, но и возрастных признаков, а легитимность власти зависит в том числе от репрезентаций ее как зрелой. Иными словами, у власти есть не только «пол», но и «возраст», которые коррелируют друг с другом. Поэтому символическая инфантилизация выступает одновременно приемом демаскулинизации и тем самым делегитимации оппонента.

И, завершая статью, хотелось бы обратить внимание на контекст фразы «Наконец / Я слышу речь не мальчика, но мужа. / С тобою, князь, она меня мirit», которую в пушкинском «Борисе Годунове» Марина Мнишек произносит, обращаясь к Самозванцу. На наш взгляд, великий поэт показывает, что использование оппозиции «мальчик — мужчина», связанное с апелляцией к гендерной и возрастной идентичности политического актора, не просто релевантно политике, но и может выступать одним из весьма эффективных способов политической манипуляции.

Библиографический список

- Дубин Б. В. Поколение: социологические границы понятия // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2002. № 2. С. 11—15.
- Ермолаева О. А. Половозрастные стереотипы у младших школьников и их родителей // Психология обучения. 2014. № 3. С. 56—70.
- Крылов Ю. В. Гендерно-возрастные стереотипы, отраженные в языке: (на примере функционирования обращений «девушка»/«женщина») // Вестник Омского государственного педагогического университета. 2019. № 4. С. 75—80.
- Рябова Т. Б. «Белое солнце Пальмиры»: маскулинность киногероев холодной войны в современной символической политике // Женщина в российском обществе. 2018. № 4. С. 36—48.
- Хасбулатова О. А., Смирнова И. Н. Гендерные стереотипы в цифровом обществе: современные тенденции // Народонаселение. 2020. № 2. С. 161—171.
- Шабурова О. В. Мужик не суетится, или Пиво с характером // О муже(N)ственности / под ред. С. Ушакина. М.: Новое лит. обозрение, 2002. С. 532—555.
- Crenshaw K. W. Mapping the margins: intersectionality, identity politics, and violence against women of color // Stanford Law Review. 1991. Vol. 43, № 6. P. 1241—1299.

- Hall S. The Spectacle of the «Other» // Representation: Cultural Representations and Signifying Practices / ed. by S. Hall. London; Thousand Oaks; New Delhi: Sage Publications, 1997. P. 223—290.
- Kite M. E., Deaux K., Miele M. Stereotypes of young and old: does age outweigh gender? // Psychology and Aging. 1991. Vol. 6, № 1. P. 19—27.
- Nandy A. Reconstructing childhood: a critique of the ideology of adulthood // Alternatives: Global, Local, Political. 1984. Vol. 10, № 3. P. 359—375.
- Ortner S. B. Is female to male as nature is to culture? // Woman, Culture, and Society / ed. by M. Z. Rosaldo, L. Lamphere. Stanford (CA): Stanford University Press, 1974. P. 67—87.
- Riabov O. The symbol of the Motherland in the legitimation and delegitimation of power in contemporary Russia // Nationalities Papers. 2020. Vol. 48, iss. 4. P. 752—767.
- Riabov O., Riabova T. Remasculinization of Russia? Gender, nationalism and legitimation of power under Vladimir Putin // Problems of Post-Communism. 2014. Vol. 61, № 2. P. 23—35.
- Riabova T., Riabov D. Infantilization of the Other: metaphor of childhood in Russia's media discourse on international relations // Australian Slavonic & East European Studies. 2020. Vol. 34. P. 125—149.

References

- Crenshaw, K. W. (1991) Mapping the margins: Intersectionality, identity politics, and violence against women of color, *Stanford Law Review*, vol. 43, no. 6, pp. 1241—1299.
- Dubin, B. V. (2002) Pokolenie: sotsiologicheskie granitsy poniatia [Generation: sociological borders of the concept], *Monitoring obshchestvennogo mnenia: ekonomicheskie i sotsial'nye peremny*, vol. 58, no. 2, pp. 11—15.
- Ermolaeva, O. A. (2014) Polovozrastnye stereotypy u mladshikh shkol'nikov i ikh roditel' [Junior schoolchildren's and their parents' sex-age stereotypes], *Psikhologiya obucheniia*, no. 3, pp. 56—70.
- Hall, S. (1997) The spectacle of the “Other”, in: Hall, S. (ed.), *Representation: Cultural Representations and Signifying Practices*, London; Thousand Oaks; New Delhi: Sage Publications, pp. 223—290.
- Kite, M. E., Deaux, K., Miele, M. (1991) Stereotypes of young and old: Does age outweigh gender?, *Psychology and Aging*, vol. 6, no. 1, pp. 19—27.
- Khasbulatova, O. A., Smirnova, I. N. (2020) Gendernye stereotypy v tsifrovom obshchestve: sovremennye tendentsii [Gender stereotypes in digital age: the contemporary tendencies], *Narodonaselenie*, no. 2, pp. 161—171.
- Krylov, Iu. V. (2019) Genderno-vozzrastnye stereotipy, otrazhennye v iazyke: (Na primere funktsionirovaniia obrashchenii “devushka”/“zhenshchina”) [Gender-age stereotypes reflected in language: (In the example of the functioning forms of address “devushka (girl)”/“zhenshchina (woman)”)], *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, no. 4, pp. 75—80.
- Nandy, A. (1984) Reconstructing childhood: A critique of the ideology of adulthood, *Alternatives: Global, Local, Political*, vol. 10, no. 3, pp. 359—375.
- Ortner, S. B. (1974) Is female to male as nature is to culture?, in: Rosaldo, M. Z., Lamphere, L. (eds), *Woman, Culture, and Society*, Stanford, CA: Stanford University Press, pp. 67—87.
- Riabov, O. (2020) The symbol of the motherland in the legitimation and delegitimation of power in contemporary Russia, *Nationalities Papers*, vol. 48, iss. 4, pp. 752—767.
- Riabova, T. (2018) “Beloe solntse Pal'miry”: maskulinnost' kinogeroev kholodnoi voiny v sovremennoi simvolicheskoi politike [“The white sun of Palmira”: the Cold War

cinematic masculinities in contemporary symbolic politics], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 36—48.

Riabov, O., Riabova, T. (2014) Remasculinization of Russia? Gender, nationalism and legitimation of power under Vladimir Putin, *Problems of Post-Communism*, vol. 61, no. 2, pp. 23—35.

Riabova, T., Riabov, D. (2020) Infantilization of the Other: metaphor of childhood in Russia's media discourse on international relations, *Australian Slavonic & East European Studies*, vol. 34, pp. 125—149.

Shaburova, O. V. (2002) Muzhik ne suetitsia, ili Pivo s kharakterom [The muzhik does not fuss, or Beer with strong character], in: Ushakin, S. (ed.), *O muzhe(N)stvennosti*, Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 532—555.

Статья поступила 07.10.2020 г.

Информация об авторах / Information about the authors

Рябова Татьяна Борисовна — доктор социологических наук, профессор кафедры политологии, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия, riabova2001@inbox.ru (Dr. Sc. (Sociology), Professor at the Department of Political Science, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russian Federation).

Рябов Олег Вячеславович — доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия, Riabov1@inbox.ru (Dr. Sc. (Philosophy), Professor, Leading Researcher, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation).